

**Татьяна Ивановна Шевченко**



**старший научный сотрудник  
Отдела новейшей истории  
Русской Православной Церкви  
Православного Свято-Тихоновского  
Гуманитарного университета,  
кандидат богословия,  
кандидат исторических наук**

**Москва**

### **Попытка «церковной революции» в Валаамском монастыре весной 1917 г.**

Статья охватывает события в Валаамском монастыре весной 1917 г. Автор анализирует отношение братства к Февральской и Октябрьской революциям в России, рассказывает о попытке нескольких монахов устроить «церковную революцию» в монастыре и о том, как монастырское правление и братство справились с этой ситуацией и каким образом она отразилась на будущей жизни обитатели.

**Ключевые слова:** новейшая история, Русская Православная Церковь, Февральская революция, Октябрьская революция, 1917 год, Валаамский монастырь, Финляндия, церковная революция, выборы в монастыре, монашество в Карелии, архив Ново-Валаамского монастыря.

К началу XX в. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь Православной Российской Церкви был одной из крупнейших в империи обителей, с образцовыми хозяйством и состоянием территории, своим корабельным флотом и капиталом в банке. Обитель имела 13 скитов, богатейшую ризницу, множество мастерских, ферму и производила впечатление настоящего монашеского государства. На 1900 г. в монастыре числились 191 монах и 572 послушника. Число монахов увеличивалось вплоть до Первой мировой войны. В начале 1913 г. в монастыре было 359 монахов и 562 послушника, вместе с трудниками это число превышало 1 000 человек [11, Р. 39]. В начале Первой мировой войны из Валаамской обители были мобилизованы 264 послушника [3, Л. 6 об.]. Война отняла большинство способного к труду братства.

В 1917 г. в монастыре остались 510 человек братства: 92 священноинока, 38 иеродиаконов, 204 монаха, 25 схимонахов, 151 послушник. Плюс к этому еще 86 человек проживали на богомолье. В обители действовала больница на 45 коек со всем необходимым. Монастырь охотно помогал окрестным жителям и был одним из самых состоятельных. В 1917 г. за использование рыбных ловлей и аренду земли от финского правительства обитель получила 19 220 ф. м., в тот же год в монастырь поступило 28 550 руб. пожертвований [1, Л. 1-5 об.].

Согласно отчету в Духовную консисторию, новых послушников в монастырь в 1917 г. не поступало. Пострижений в монашество тоже не было, за исключением четырех постригов по болезни. В то же время, уже через год, 17 ноября 1918 г. в монашество были пострижены 29 послушников (возраста 33–53 лет), согласно их прошениям.

Как и многие в России, насельники монастыря верили в победу русского оружия в войне вплоть до падения Императорского Престола [6, С. 140]. Один из уважаемых братьев иеромонах Памво (Игнатъев, 1877–1965) писал в своем дневнике: «Сегодня утром узнали страшную весть из газет, что Государь Император... отрекся от Престола: Боже мой, как страшно стало за Родину» [9, С. 35]. Другой, не менее уважаемый валаамец, письмоводитель и летописец монах Иувиан (Красноперов, 1880–1957) писал: «6 марта 1917 г... получено грустное известие о совершившемся перевороте и отречении Царя от Престола. Первое впечатление... было ощущение сиротства, ибо Русь святая немыслима без Царя!» [7, С. 141]. В монастыре, согласно распоряжению Синода, прекратилось молитвенное возгласение Царя и Царствовавшего Дома. «Царские портреты повсюду были сняты и убраны. Все это было сделано из опасений репрессий со стороны Временного правительства» [7, С. 145]. Поспешная реакция на распоряжение Синода не говорила, однако, о нелюбви монахов к Царю. Через год на панихиде по убиенном Императоре многие из братьев плакали [7, С. 151].

Возглавивший в 1918 г. обитель, а в 1917 г. еще наместник, иеромонах Павлин (Мешалкин) называл февральские события в России ни чем иным как «политическим переворотом». В отчете в Духовную консисторию о клеветнической статье о монастыре в петроградской газете «Живое слово» весной 1917 г. он писал, что «объявленная после государственного переворота» свобода слова и печати, превратно понята была разными «борзописцами» как «произвол и употреблялась во зло»<sup>1</sup>.

Тем не менее, несмотря на проявленную законопослушность и вынужденное признание Временного правительства, в монастыре не питали иллюзий на счет нового правительства, в душе сочувствовали потерявшему власть Государю и, как показало время, совершенно справедливо опасались за будущее России, любовь к которой также явно прослеживается во всех известных дневниковых записях иноков.

Время после февраля и до августа 1917 г., когда открылся первый после 200-летнего перерыва Поместный Собор Православной Российской Церкви, историки называют «церковной революцией». Ее основные черты – это крах синодальной системы, бунт низшего духовенства против иерархии, повсеместное введение выборного начала [8, С. 56]. Во многих епархиях сложилась оппозиция правящему архиерею, возникали комитеты во главе с местным духовенством. Выборы на всех инстанциях стали «важнейшим символом революционных процессов в Церкви» [8, С. 61]. Выбирали всех – настоятелей и настоятельниц, приходских священников, диаконов и псаломщиков. Но самыми главными, конечно, были выборы правящих архиереев.

Постепенно отношение к выборному началу в Церкви изменилось: одобрение и восторг сменились категорическим отрицанием [8, С. 61]. Хотя в некоторых местах

---

<sup>1</sup> Б. а. «Монастырские исповеди» // Живое слово. 1917. № 31.

благодаря выборам были избраны действительно достойные лица, ранее остававшиеся в тени – как, например, митрополит Петроградский Вениамин (Казанский)<sup>1</sup>, будущий священномученик. Выбранных кандидатов уже нельзя было рассматривать как «ставленников темных сил», им доверяли. Но часто требование выборов было лишь проявлением иррационального бунта против всех и вся.

Именно этот вариант можно отнести к событиям на Валааме весной 1917 г., на примере которых можно проследить характерные для всякой революции черты.

Являясь единым организмом, братия любой обители, тем не менее, состоит из разных групп и людей. И, порой, маленькая группа способна вызвать большую «бурю», что, однако, не является показателем общего настроения братства. В то же время, в монастыре есть наиболее уважаемые иноки – старшая братия, или соборные отцы, которые выражают и формируют общее настроение и позицию братства, они составляют совещательный орган при игумене – духовный собор. Есть в обители и отдельные авторитетные старцы, чье особое мнение так же ценно.

Вышеупомянутая попытка провести «революцию» в Валаамском монастыре представляет интерес, прежде всего, тем, что она провалилась, в отличие от революции в России. Здесь, на отдельном архипелаге в Ладоге, победили здравый смысл и главная монашеская добродетель – смирение, вкупе с непрестанной молитвой старцев, духовных лидеров братства, о мирном и справедливом разрешении назревшего конфликта.

Доклад основан на дневниковых записях Валаамского настоятеля в 1933–1947 гг. игумена Харитона (Дунаева, 1872–1947), который в 1917 г. был иеромонахом и экономом монастыря, одним из помощников тогдашнего настоятеля игумена-старца Маврикия (Баранова, 1839–1917), представлявшего монастырь на Поместном Соборе в Москве в 1917 г. Записи эти, как и почти весь Старо-Валаамский архив, хранятся в Ново-Валаамском монастыре в Финляндии (Valamon Luostarin Arkisto). О том времени оставил воспоминания и летописец обители монах Иувиан (Красноперов), ныне они неоднократно опубликованы [6].

Записки иеромонаха Харитона донесли до нас сведения о том, как процесс спонтанной «либерализации-демократизации», вспыхнувший в России накануне революции, повлиял на монастырскую жизнь. В этом описании легко можно увидеть сходство с основными предреволюционными событиями в столице. «Революционные идеи проникли и в наш монастырь. Стали собираться какие-то партийки и что-то обсуждалось, – писал он. – ...Итак, мы видим в обители грустную смуту, и она подготовлялась не вдруг, а разными легендами: будто у игумена работают темные силы, монастырем управляют три жида – игумен, казначей и эконом. И некоторые из братьев, начитавшись газет революционного направления, стали повторять их лозунги и по отношению к обители, желая произвести переворот, ... после чего, по их понятиям, “воссияет солнце свободы и спадут узы порабощения”» [9, С. 40].

---

<sup>1</sup> Вениамин (Казанский, 1873–1922), митрополит, священномученик – в мае 1917 г. был избран на епархиальном собрании на кафедру Петроградского архиерея. В 1922 г. арестован по обвинению в воспрепятствовании изъятию церковных ценностей и после показательного судебного процесса расстрелян.

Весной 1917 г. обстановка в обители накалилась настолько, что монастырское начальство опасалось созывать общее собрание, которое грозило перерасти в настоящее «побоище». За советом как поступить при назревавшей в монастыре «революции» в Петроград к правящему Финляндской и Выборгской епархией архиепископу Сергию (Страгородскому) был направлен казначей монастыря и наместник иеромонах Павлин (Мешалкин)<sup>1</sup>. Из Петрограда делегация привезла указание архиепископа, «что в данное время духовная власть бессильна. Что даже в [Александро-Невской] Лавре происходит то, что послушник делается Наместником», и поэтому нужно стараться всё уладить как-нибудь на месте, «хотя бы и с некоторыми уступками» [9, С. 36].

Сам архиепископ Сергей на епархиальном собрании в апреле 1917 г. дал разрешение местным клирикам, ратовавшим за либерализм, носить гражданскую одежду, и приложил все силы, чтобы убедить собравшихся хранить политический нейтралитет [10, Р. 149]. Обстановка в Финляндии была напряженной – все ждали отделения от России.

1 мая 1917 г. общее собрание все же было проведено в монастыре. Согласно записям отца Харитона, «низы», то есть, младшая братия, требовали уравнивания в правах с «верхами» – старшей братией и иеромонахами. Игумен Харитон описывал революционные настроения среди братства с долей благодушного скепсиса. Он считал выборы в обители далеким от сути монашеской жизни начинанием.

Цитата из дневника игумена Харитона: «Отец Наместник подошел к проблеме реформы монастырского правления издали. Вначале он поднял вопрос о кусковой рыбе, которую предлагалось крошить в общий котел с прибавкою в 20 фунтов, на что священнослужители были согласны.

Он громко задал вопрос всему братству – довольно ли прибавлять рыбы ежедневно пол пуда? С разных сторон донеслось – “Довольно!” Тогда Наместник задал братству вопрос: “Не имеет ли кто-либо из вас что-либо сказать о каких-либо не порядках в обители? И не желаете ли, чтобы собор старшей братии был увеличен новыми выборными членами? На это уже есть и соизволение Владыки!”». «С мест раздалось: “Желаем, желаем!”» [9, С. 37].

В результате долгих пререканий сошлись на том, что в духовный собор при игумене следует ввести шесть новых членов – по двое от иеромонахов, диаконов и монахов. После этого с мест «посыпались» и другие требования – «чтобы экононом был поставлен выборный» (а им был тогда иеромонах Харитон), «чтобы создать выборную комиссию для ревизии денежных сумм в монастыре и на подворьях» и т. д. [9, С. 37]. Словом, «революция» набирала темп.

Отец Харитон вспоминал, что, как и в любой революции, в данном случае активно действовала небольшая «партейка» зачинщиков, преследовавшая свои собственные цели. Как он справедливо заметил, беспорядки были вызваны небольшой группой малоуважаемых

---

<sup>1</sup> Павлин (Мешалкин, 1866–1935), архимандрит. Незадолго до кончины принял схиму (в схиме Павел). После кончины игумена Маврикия (Баранова) наместник монастыря (1908) иеромонах Павлин 10 мая 1918 г. был избран братией кандидатом на настоятельскую должность, в сан игумена возведен в 1921 г. Настоятель Валаамского монастыря 1918–1933 гг.

и ничем не проявивших себя монахов, желавших сместить тогдашнего настоятеля старца игумена Маврикия. Игумена, который, кстати, был настолько уважаем, что на Поместном Соборе при вынимании жребия с именем будущего Патриарха, схимник Алексей Зосимовский, просил надеть на него его мантию. Игумен Маврикий вскоре и без того скончался в виду преклонного возраста.

К сожалению, проводившей собрание наместник о. Павлин шел на поводу у реформаторов – он торжественно занес решение собрания о перевыборах в протокол, после чего поддержал решение просить правящего архиепископа благословить реформу. Как показали последующие события, о. наместник не столько был сторонником реформаторов, сколько не вполне понимал суть происходившего, впрочем, как и многие в России. Он считал, что ограничить правившую власть – это не так уж и плохо. Отец Харитон записал в дневнике беседу с наместником, в которой тот объяснил свою позицию: «Настоятели злоупотребляют неограниченностью власти... Никто не в силах... воспрепятствовать [их] бессмысленной затее. Так вот и теперешний игумен хочет построить Воскресенский и Гефсиманский скиты, и никто не может ему препятствовать» [9, С. 42].

Как отмечал игумен Харитон, большинство братства попросту не понимало, что происходило. Многие полагали, раз есть благословение архиерея, то все идет с его ведома. И если реформы поддерживает свое же начальство, значит надо проявить послушание. Но так легко завоеванная реформаторами «свобода» тут же вскружила голову ее обладателям.

После собрания в трапезной все пошли в экономскую за положенной порцией чая. И тут монах Никанд (Коротков) грубо потребовал увеличить ему порции чая и сахара до размера, который получали только священнослужители. Ему выдали. Однако подрядчик почему-то отказался выдать ему лишний коробок спичек. И тогда, как «свободный» человек, монах при всех ударил с размаху нарядчика по лицу. У того пошла кровь, он разъярился и погнался за обидчиком. Стало очевидно, к чему может привести потакание революционным настроениям.

«Итак, плоды революционного движения показались потоками крови», – записал в дневнике отец Харитон [9, С. 38].

Между тем часть братии стала догадываться, куда клонилась затея «бунтарей-либералов». Братство уговаривало настоятеля собрать новое собрание и пересмотреть принятое решение. Реформаторы же настаивали на своем. «Монастырский собор почти непрерывно заседал у Игумена в поисках выхода» [9, С. 39]. К предстоявшему собранию готовились «как к бою» [9, С. 39], – вспоминал игумен Харитон. – «Одни говорили, что мы сорвем это собрание или учиним скандал, дабы не перерешать того, что уже решено прежде... Другие же говорили, мы не позволим каким-то проходимцам, не оправдавшим себя жизнью, нарушать порядки монастыря, веками унаследованные, а зачинщиков скандала можем связать и отправить на больницу в помещенье для ненормальных» [9, С. 39].

Отношения обострились настолько, что братия «боялись встреч друг с другом». Монастырский собор назначил собрание на 5 мая. На повестке стояло переизбрание не только эконома, т. е. иеромонаха Харитона, но и других членов духовного собора. Осознав,

что ситуация вышла из под контроля, соборные отцы решили отложить собрание до открытия навигации и пригласили архиепископа Сергия (Страгородского).

С этого момента наметившаяся схожесть в развитии революционной ситуации в стране и в монастыре прекращается. Как только стало известно о визите архиепископа, взволнованное братство успокоилось, и угроза бунта миновала. Уважение к высшей архиерейской власти и доверие ей в монастыре было крепко – при бушующей стихии невозможно обойтись без кормчего. Все, кто попадал в шторм на Ладоге, это знали. В результате, на собрании под председательством архиепископа подавляющее большинство отказалось поддержать мятежников, и проголосовало за сохранение прежних традиций.

Последовательность действий архиепископа Сергия была следующей. Накануне собрания он произнес убедительную речь, призывая хранить единство при сложившихся обстоятельствах, «когда враги монашества кричат “долой монастыри!”» [9, С. 43], говорил, что иноки должны как можно теснее сплотиться, оставить личные недоразумения и счёты и стремиться к общему благу. Ему поверили.

После этого, открыв собрание, архиепископ поинтересовался, какие произошли в монастыре недоразумения, желает ли братство ввести в правление шесть выборных делегатов и переизбрать эконома? Со всех скамей послышалось: «Не желаем!» Много было объяснений почему, но игумен Харитон привел лишь одну речь, чтобы наглядно показать искусственный характер бывших волнений. Говорил монах Виктор: «Владыка, нововведение подорвет в корне монашескую жизнь и дисциплину, и этого желает только небольшая кучка людей, которые не оправдывают себя своею жизнью и поведением, нарушают порядок, ... пятнают всю братию. Бунтарей просим убрать из обители для водворения мира, они нигде себя не оправдали, служат в тягость нашему обществу и своим скандальным поведением возмущают обитель. Благодаря таким смутьянам эконом вынужден был оставить должность и уйти в скит, а он человек еще не старый и, притом, опытный, как находящийся на этой должности около десятка лет, и он-то оправдал себя и никто о нем не может сказать что-либо неодобрительное. Перемена эконома в данное смутное время будет для обители большим ущербом» [9, С. 44].

Высказался и «предводитель нововведенцев иеромонах Иоанникий». Он так же был согласен, что эконом монастыря «человек прекрасный», а братство лишь просило «подтвердить» его должность избранием. Архиепископ Сергий просил голосовать: «Кто желает переизбрать эконома – встаньте! Кто не желает – сидите!» [9, С. 44]. Со своих мест поднялись только двое и один из них монах Никандр, тот самый, что подрался за коробок спичек.

Относительно же избрания шестерых делегатов в соборный совет мнения разделились, было проведено закрытое голосование. В результате «против» нововведений набралось 164 голоса, а «за» только 52. Владыка постановил, что меньшинство должно подчиниться. Этим волнения закончились, и монастырская жизнь потекла обычным порядком.

Тогда же иноки-провокаторы, по просьбе братства и с согласия их самих, были уволены из монастыря и, согласно их прошению, из монашества тоже. Бунт их во многом был связан с их личными внутренними проблемами. В архиве монастыря сохранилось дело №23 «Неповиновение, непослушание и другие проступки, обнаруженные и некоторыми из братии..., об официальном воздействии на ослушников», заведенное в канцелярии обители в те дни, 9 мая 1917 г. [2]. Открывается оно прошением на имя игумена Маврикия от все того же монаха Никандра (Николая Короткова) 54-х лет – о его «бесповоротным» решением уволиться из монашества: «Как Вам известно, в монастыре я с 1893 г., и к глубокой моей скорби за это время я своим понятием и сознанием дошел до полного индифферентизма и утратил всякую веру в людей, а также ту духовную ревность, которая 24 года назад привела меня на Валаам и которую я вынес из мира. Это сознание для меня невыносимо... и я совершенно одинок в своем печальном положении... Что такое монашество и для чего оно? Со стороны мирян ясно вижу полное презрение к монашеству вообще и, положив руку на сердце, не утаю,... на это есть много причин, которые не мне указывать и не мне исправлять... Я старался примирить себя с теми отрицательными сторонами монашества..., усиленно подчинял свою совесть, понятие и сознание всему этому, но... никогда не смогу назвать белое черным и наоборот... Не порицая и не судя монашество это говорю. Но что же мне делать с моими убеждениями, которые я не в состоянии менять?... Смиренно прошу, с чувством горькой печали и сожаления,... сложить с меня монашество, возвратить в первоначальное звание и с миром отпустить в круг мирской жизни» [2, Л. 1-1 об.].

Объяснения монаха убедительно доказывают его якобы правоту. Но важно сопоставить несколько свидетельств об одном и том же событии. Следующий документ в деле – рапорт настоятеля с братией архиепископу Сергию: «Монах Никандр, отличаясь весьма вздорным и нетерпимым для окружающих характером, неоднократно позволял себе поступки, недопустимые в обители: одно время проживая в скиту Всех Святых, он, по злобе на монаха Мисаила, уничтожил у последнего часы, разбил их молотком и облил керосином его чай и сахар. Перемещенный затем в Никольский скит, он сильно поколотил послушника Сергия Прусакова. Находясь теперь в монастыре, монах Никандр несколько не исправился, по-прежнему он со всеми спорлив, неспокоен и груб». Далее, упоминается, как монах Никандр дважды кулаком ударил нарядчика по лицу и грозил ножом, даже после того как тот исполнил его просьбу увеличить порцию чая [2, Л. 5-5 об.]. Опасаясь за последствия неуживчивости нерадивого монаха и принимая во внимание его желание вернуться в мир, игумен просил архипастыря удовлетворить просьбу о. Никандра и не назначать дополнительных расследований, что и было удовлетворено. Короткова отпустили в Россию, выдав 300 руб. на дорогу [2, Л. 17].

Настоятель сообщал о подобном же поведении монаха Авдия, который неоднократно в присутствии братии грубо «дерзил» игумену и из-за своей неуживчивости был «крайне тяжел для окружающих братий», о чем те неоднократно жаловались. Этот монах накинулся в трапезной на послушника и чуть не учинил драку. Его просили лишить ношения мантии до раскаяния [2, Л. 7-7 об.].

После провалившейся попытки устроить «революцию», в июне 1917 г. были судимы два монаха, за «непокорное и строптивное поведение» их лишили мантии до раскаяния и исправления. Через месяц еще один монах, иеромонах и послушник были, согласно их прошениям, со снятием с них монашества и сана, уволены из обители.

Очевидно, что в сравнении с общим числом братии, число отпавших (всего пять человек) весьма не велико, и не дает права утверждать о наличии тенденции бегства из обители или поголовном увлечении революцией. Даже после всех скорбей революционного года, из 510 человек братства из монастыря в Петроград на родину 23 сентября 1918 г. уехало только 13 монахов [5, С. 152].

Через год, в ноябре 1918 г. настоятель просил уволить еще семь послушников как «безусловно вредных для монастырского общества», признав их неспособными к дальнейшей монастырской жизни, как «упорно проникнутых современными идеями». Их неоднократно «предостерегали от увлечения настоящим движением в мире, доказывая, как оно не согласуется с истинным монашеством и в какой непримиримой противоположности стоит оно вообще к святым чаяниям христианства» [5, Л. 1-3]. Послушники проходили в монастыре искус и, конечно, не входили в духовный собор монастыря. Большая же часть братства осталась верной своему призванию, несмотря на последующие скорби и потрясения не покинули обитель.

В 1918 г. в монастыре проживало 426 насельников. С конца 1917 г. и весь 1918 г. монастырь находился в письменном разобщении с родиной, откуда практически не поступало корреспонденции. 26 ноября 1918 г. правительство независимой Финляндии утвердило Положение о Православной Церкви, даровав ей статус второй государственной Церкви национального меньшинства. В Финляндия шла гражданская война, затем, и война с Советской Россией.

Положение русских монахов в Финляндии оказалось двойственным. «Эта батарея будет защищать подступы к Финляндии... от России. Какая злая ирония судьбы!», – писал в своей летописи монах Иувиан [7, С. 67]. Многими начали овладевать мрачные настроения: «Россия совершает над собой самоубийство... добровольно хочет исчезнуть с лица земли... Россия гибнет... Россия прогневала Господа Бога» [7, С. 59].

Финляндия же с конца 1918 г. окончательно становится республикой. Несмотря на тоску по родине, валаамцы приняли происходившие перемены как попущенные Богом. Летом 1918 г. был создан Епархиальный Монашеский совет, в который от Валаамского монастыря избрали одного представителя. Два представителя от монастыря стали делегатами первого Собора Финляндской Православной Церкви в 1919 г.

Особенного ликования по поводу отделения Финляндии от России в братии не было. Подписка на выбор подданства 1919 г. выявила, что в «местное подданство» желает перейти 71 человек, а сохранить «родное, российское» – 189 [6, С. 161]. Финляндский епископ Серафим (Лукиянов) уговаривал монахов принять «местное подданство», мотивируя это тем, что в сложившихся обстоятельствах монахи не принадлежат ни к какому государству, и это опасно. Многие из согласившихся сделали оговорку, что при восстановлении в России



государственного порядка, они просят вернуть им прежний статус. Финляндское правительство не депортировало отказавшихся. Оно выдало разрешение на постоянное проживание в монастыре для тех монахов без гражданства, которые проживали в обители до 1918 г. В 1920 г. в монастыре было 112 граждан Финляндии из 426-ти насельников монастыря. Численность «финляндцев» и «не финляндцев» сравнялась только к 1937 г.: 146 на 147 человек [9, С. 57].

Члены монастырского правления воспринимали «новое подданство» как возможность получить защиту финских властей, а не как предательство родины. В марте 1919 г. Валаамский монастырь просил Финляндский Государственный совет даровать финляндское подданство монахам на подворьях в Москве и Петрограде, надеясь таким образом обезопасить их и сохранить имущество.

О трудном положении русских монастырей в Финляндии после революции говорит, например, и то, что руководство Валаамского монастыря рекомендовало проходившим военную службу послушникам не возвращаться на Валаам. К 1918 г. не вернулись в монастырь 185 из призванных в армию послушников [3, Л. 6 об.].

14 марта 1918 г. в письме к руководившему Московским подворьем иеромонаху Галактиону (Новикову) наместник монастыря иеромонах Павлин (Мешалкин) писал: «Считаю своим долгом довести до вашего сведения о состоянии Валаамского монастыря, переживаемом в настоящее бедственное и неблагоприятное время. На первой очереди, вызывающий наибольшее опасение, стоит у нас продовольственный вопрос. Минувшей осенью монастырь смог получить только половину годовичного хлебного запаса. В Финляндии господствует сильный недостаток пищевых продуктов. Местные финские власти произвели у нас подробную опись всех насельников монастыря и всех продуктов, переписали весь монастырский скот. [Реквизировали] часть хлебных запасов, оставив на каждого человека по шесть килограммов в месяц. При громадной стихийности размаха общемировых бедствий есть полное основание полагать, что реквизиция будет повторена, в виду вопиющей нужды окрестного населения. Обитель по силе идет навстречу, т. к. в противном случае монастырю угрожает принудительная реквизиция.

Если кто-либо из наших указных послушников по окончании войны пожелает возвратиться на Валаам, то, не скрывая бедственности нашего положения, старайтесь всеми доводами отговорить от поездки к нам. Пусть всякий послушник переживет это время у своих родных или знакомых, а потом, Бог даст, когда всё уладится, все с любовью будут приняты монастырем, как свои родные чада. Теперь же мы решили общим советом никого пока не принимать. Положение монастыря таково, что ближайшее будущее не обещает нам ничего хорошего, ибо как только монастырские запасы хлеба совсем иссякнут, монастырь неизбежно будет поставлен в суровую необходимость распустить своих насельников» [4, Л. 3, 3 об.].

Слава Богу, этого не случилось, но тогда, в 1918 г., суровая реальность побуждала оставшихся в России валаамцев позаботиться о себе самим. Так призванный в Первую мировую войну валаамский послушник Алексей Федосеев, будущий преподобномученик

иеромонах Аполлос, после 1917 г. на Валаам не вернулся, но поступил в Черемнецкий Иоанно-Богословский монастырь Петроградской епархии, где и был пострижен в монашество в 1922 г. В 1937 г. он был арестован, обвинен в «антисоветской деятельности» и расстрелян на полигоне Бутово под Москвой. Всего в соборе новомучеников российских канонизировано девять валаамских постриженников.

Таким образом, отношение иноков Валаама к произошедшим в 1917 г. государственным переменам в России носило характер «принятия всего случившегося как от руки Божией», что было в духе традиций монашеского смирения. Отечество было охвачено огнем революции, грозившим уничтожить их родной дом, Валаамскую обитель. В силу обстоятельств Финляндия оказалась вынужденным убежищем, как снисходившей к их проблемам, так и, порой, навязывавшей свои законы. Стоит также добавить, в братстве присутствовало понимание того, что это не весь русский народ «изгнал» монахов из их отечества, а силой и хитростью захватившие власть в России большевики. Когда в 1957 г. несколько валаамских монахов вернулись на родину и поселились в Псково-Печерской обители, к ним потянулись вереницы простых верующих, поскольку благодать старчества привлекала к себе всех. Валаамцы никогда не переставали молиться о своей родине и всегда скучали по ней.

#### **Источники и литература:**

1. Valamon Luostarin Arkisto. Ea 80 (1917). Д. 4.
2. Valamon Luostarin Arkisto. Ba 80 (1917). Д. 23
3. Valamon Luostarin Arkisto. Ea 81 (1918). Д. 1.
4. Valamon Luostarin Arkisto. Ea 81 (1918). Д. 20.
5. Valamon Luostarin Arkisto. Ea 134 (1917-1918). Д. 31 (1918).
6. Валаамский летописец. М.: Валаамский монастырь, Изд. «У Никитских Ворот». 2013.
7. *Иувиан (Красноперов), мон.* Летопись о Великой войне и последующих событиях // Старый Валаам: воспоминания о монастыре 1917-1943. СПб. 2006.
8. *Рогозный П. Г.* «Церковная революция»: март-август 1917 года // 1917-й: Церковь и судьбы России (к 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона / Материалы международной научной конференции. Москва 19-20 ноября 2007. М. 2008. С. 56-64.
9. *Шевченко Т. И.* Игумен Харитон. М. 2011.
10. *Loima J.* Nationalism and the Orthodox Church in Finland // Nationalism and Orthodoxy. Helsinki. 2004.
11. *Valamo ja sen sanoma.* Helsinki. 1982.

#### **The Attempt to make "the Church revolution" in the Valaam Monastery in the Spring of 1917**

Tatyana Shevchenko (Moscow)

*Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities*

The article covers the events in the Valaam orthodox monastery in the spring of 1917. The Author analyzes the attitude of brotherhood to the February and October revolutions in Russia, narrated about the attempt of a few monks to make a "Church revolution" in the monastery, about the monastic authorities` and the brotherhood` attitude to the situation and about its influence on the future life of the monastery.

**Keywords:** History of the Russian Orthodox Church after 1917, Russian Orthodox Church, February revolution 1917, October revolution, Valaam monastery, Finland, Church revolution, monastic elections, Karelian monasteries, the New Valaam monastery`s archive.